

На Харе, облаченном в темно-пурпурную рубашку и длинный черный плащ, пятна крови были почти незаметны. Однако для Шести глаз расстояние в несколько сотен метров не играло роли: Сатору отчетливо видел, как в теле его старшего брата стремительно циркулирует положительная энергия — верный признак работы обратной проклятой техники.

Зачем брату, который даже не вступал в бой, вдруг понадобилось исцеление? Кого он лечит? Себя! Но с какой стати здоровому человеку спешно латать самого себя?

Сатору буравил Хару нечитаемым, тяжелым взглядом. Пазл мгновенно сложился — едва он вспомнил, как под градом смертоносных рассекающих ударов Сукуны на его собственном теле не осталось ни царапины. Все стало предельно ясно.

«Значит, нашел способ перетягивать мои раны на себя? Браво, старший братец. И ведь ни словом не обмолвился».

С тех пор как Сатору освоил обратную проклятую технику и сделал «Безграничность» постоянным пассивным навыком, он практически не получал ранений извне. Именно поэтому тайна Хары так долго оставалась нераскрытой. И лишь сегодня, столкнувшись с Рёмэном Сукуной, Сатору впервые должен был захлебнуться собственной кровью — но остался абсолютно невредим. Это и выдало Хару с головой.

Было ли Сатору приятно? Разумеется. Осознание того, как сильно дорожит им брат, согревало душу. Но гнев оказался сильнее. Какого черта Хара творит это за его спиной? Он вообще считает собственное тело за ценность, или для него оно лишь расходный материал?

Почувствовав на себе тяжелый взгляд, Хара виновато отвел глаза. Понимая, что скрываться больше нет смысла, он резко ускорил циркуляцию проклятой энергии, в мгновение ока затягивая все внутренние повреждения. Изначально он планировал исцеляться не торопясь, капля за каплей, чтобы не привлекать внимания Сатору. Но свирепый прищур младшего брата красноречиво говорил о том, что игра окончена.

«Раз уж попался, лучше закончить быстрее. Может, Сатору хоть злиться будет чуточку меньше».

Заметив, что Хара закончил лечение, Сатору раздраженно хмыкнул и заставил себя отвернуться. Сейчас нужно было разобраться со стоящим перед ним противником.

Секундное замешательство Сатору не укрылось от Сукуны, однако нападать тот не спешил. Проклятый король прекрасно понимал: против мага такого уровня коварные выпады исподтишка не сработают. Куда сильнее его терзал немой вопрос — как этот белобрысый наглец умудрился выстоять под шквалом беспощадных разрезов, не пролив ни единой капли крови?

Объяснять что-либо Сатору не собирался — настроение и без того было паршивым. Его

собственная территория только что была разрушена, из-за чего проклятая техника выгорела. Приходилось сдерживать натиск «Зловещей гробницы» Сукуны с помощью простой территории. Но выгорание — это лишь временная помеха...

В голове Сатору созрел безумный, граничащий с самоубийством план, к реализации которого он приступил без малейших колебаний. Своей же силой он целенаправленно выжег серое вещество в той зоне мозга, где была запечатлена его врожденная техника, а затем мгновенно восстановил разрушенные ткани с помощью обратной проклятой техники. Обновив мозг до первозданного состояния, он начисто стер эффект выгорания.

Сатору сложил пальцы в жест активации:

— Расширение территории: Необъятная пустота!

На этот раз его барьер не сомкнулся. Он создал открытую территорию, подобную той, которой владел Сукуна.

Разлившаяся по округе «Необъятная пустота» мгновенно поглотила «Зловещую гробницу». Лавина бесконечной информации хлынула прямо в разум Сукуны. Мозг Сукуны мгновенно перегрузился и отключился. Лишившись контроля со стороны своего создателя, проклятая святыня рассыпалась прахом, уступая место безграничному космосу Сатору.

Наблюдавший за схваткой со стороны Ураумэ оцепенел. Мысль о том, что его великий господин Сукуна может проиграть какому-то человеку, казалась невыносимой. Сбросив оцепенение, он в отчаянии рванулся вперед, надеясь спасти своего повелителя.

Но сделать и пары шагов он не успел. На пути спасителя со свистом соткалась сфера чудовищной разрушительной силы. Хара небрежным щелчком пальцев отправил в его сторону «Фиолетовый». Ослепленный паникой Ураумэ даже не попытался уклониться. Колоссальная виртуальная масса разорвала его тело на атомы за долю секунды — никакая обратная проклятая техника не способна собрать воедино то, что превратилось в космическую пыль.

Ураумэ был мертв.

С гибелью верного слуги Сукуна остался совсем один. Запертый в тисках абсолютного паралича внутри «Необъятной пустоты», он застыл безжизненной статуей, полностью отданный на милость братьев Годжо.

По ту сторону экрана Кэндзяку, наблюдавший за финалом этой грандиозной битвы через трансляцию Кэлина, побелел от злости.

— Ничтожество, а не Король проклятий! — выплюнул он сквозь зубы.

Кэндзяку рассчитывал, что Сукуна как минимум измотает Шестиглазого, а в худшем случае без труда скроется. Но тот бесславно пал. Мало того, что древний монстр проиграл, он еще и послужил для Сатору идеальным трамплином, позволив тому сделать качественный скачок в развитии своих сил.

В первом столкновении территорий Сатору уступил Сукуне, но затем свершилась пугающая эволюция. Шаман не только нашел способ полностью игнорировать выгорание техники, но и за мгновение постиг тайну открытого барьера. Эффект «Необъятной пустоты» и без того гарантировал мгновенную смерть любому, кто окажется внутри, а отказ от внешних границ позволил расширить радиус поражения до колоссальных масштабов. Сбежать от Сатору теперь стало попросту невозможно.

Все титанические труды Кэндзяку пошли прахом. Он не просто лишился сильнейшего козыря в лице Сукуны — он собственноручно выковал для своих врагов совершенное оружие. Даже многовековое хладнокровие изменило древнему заговорщику: его лицо исказила гримаса ярости.

Он перевел взгляд на парящий перед ним кокон. Там дремал Гован — проклятый зародыш, рожденный из первобытного страха человечества перед неизбежным концом. Даже в незрелом состоянии дух излучал колоссальное давление, но для победы над Шестиглазыми этого было катастрофически мало.

По первоначальному замыслу Кэндзяку, трансляция разрушительной мощи сильнейших магов должна была посеять в сердцах обычных людей панический ужас перед братьями Годжо. Из этого концентрированного страха должен был соткаться особый проклятый дух, чья природа была бы направлена исключительно на подавление Шести глаз. Сила этой твари не имела значения — Кэндзяку планировал скормить ее Говану, чтобы тот унаследовал специфическую противодействующую технику. Однако идеальный план дал трещину.

Кэндзяку уставился на экран монитора, где пользователи сети в один голос восхваляли силу магов-спасителей. Не выдержав, он с размаху обрушил кулак на клавиатуру, вдребезги разбивая пластик и стекло.

— Ничтожества! Стадо тупых баранов!

Ни Сукуна, ни Кэлин не справились со своими задачами. Информационная война была с треском проиграна.

Нашлись, конечно, и те, кого напугала разрушительная мощь братьев, но их робкие голоса мгновенно тонули в общем хоре. Обыватели прекрасно понимали: когда против тебя выступает древнее божество зла, лучше иметь на своей стороне защитников, способных стирать города с лица земли.

Попытки Кэлина выставить магов надменными тиранами тоже провалились. Стоило ему показать кадры высокомерия шаманов, как искусственный интеллект «Ноев ковчег» тут же наводнял сеть видеозаписями, на которых те же самые люди, истекая кровью, до последнего

вздоха защищали мирных граждан. В итоге людская психология сработала предсказуемо.

Человеку свойственно тянуться к силе. Перед лицом кошмарных тварей люди отчаянно нуждались в защите, а потому охотно прощали своим спасителям любой снобизм. Немногие отваживались плевать в колодец, из которого надеялись напиться: инстинкт самосохранения быстро научил большинство помалкивать.

Кроме того, правительственные структуры при активной поддержке «Ноева ковчега» неустанно вели разъяснительную работу на телевидении и в социальных сетях. Жителям вежливо, но доходчиво объясняли природу проклятий, а трансляцию на небесах объявили масштабной иллюзией, созданной враждебным духом с целью запугивания. Советовали просто не обращать на нее внимания.

Любые провокационные кадры, порочащие репутацию магов, Хара приказывал «Ноеву ковчегу» объявлять искусной фальшивкой. Параллельно он устроил жесткую взбучку всему Миру магов: шаманам было прямо заявлено, что за любое проявление неуважения к обычным людям в объективе камер виновные ответят лично перед ним.

Угроза возымела мгновенный эффект. Шаманы, до смерти напуганные гневом старшего Годжо, мгновенно превратились в образцовых защитников порядка. Отправляясь на задания, они натягивали на лица сияющие, почти фарфоровые улыбки, до ужаса боясь, что небесный экран начнет транслировать их работу, и грозный Хара увидит их недовольные мины.

Как только Сукуна окончательно затих под воздействием бесконечной информации, братья Годжо без лишних слов покончили с ним. После рассеивания проклятой энергии на земле осталось лишь бездыханное тело Дзина Итадори. Сатору долго всматривался в черты лица, которые так сильно напоминали его ученика, а затем тихо вздохнул.

— Пусть Юдзи сам заберет тело отца.

С этими словами Сатору достал телефон и быстро набрал сообщение Итадори.

Хара стоял рядом, тише воды ниже травы, стараясь лишний раз не дышать. Сатору, убрав телефон, тоже молчал, ожидая приезда ученика. Нависшая над братьями тишина становилась удушающей.

Хара не поднимал глаз, однако кругозор Шести глаз позволял ему до мельчайших подробностей видеть выражение лица младшего брата. Тот и не думал скрывать своего раздражения: его губы были плотно сжаты, а на лбу пролегла глубокая складка. На лице Сатору метровыми буквами было написано: «Я в ярости».

Поняв, что бесконечно прятаться за молчанием не выйдет, Хара робко нарушил тишину:

— Сатору... выслушай меня, пожалуйста.

Младший даже не повернул головы, отозвавшись ледяным тоном:

— Ну давай. Послушаю, как ты будешь выкручиваться.

Хара неловко кашлянул, пытаясь подобрать правильные слова.

— Я правда не хотел... Просто мысль о том, что ты можешь пострадать, сводила меня с ума. Сначала, когда я только освоил обратную проклятую технику, я радовался, что смогу исцелить тебя в любой момент. Но со временем мне стало невыносимо даже думать о том, что тебе может быть больно. Я мечтал, чтобы ты вообще никогда не получал ранений, чтобы моя обратная техника тебе попросту не требовалась... И как-то незаметно... — Голос Хары упал до едва различимого шепота. — ...я наложил на тебя проклятие.

Безумное, всепоглощающее желание уберечь брата от любой внешней угрозы неосознанно превратилось в мощнейший проклятый импульс. Хара, сам того не ведая, заключил нерушимое соглашение со вселенной: любая физическая рана, нанесенная Сатору кем-то извне, мгновенно переносилась на него самого.

Ограничение не касалось лишь тех увечий, которые Сатору наносил себе сам. Именно поэтому чудовищная боль от добровольного выжигания и регенерации мозга при выгорании проклятой техники осталась при младшем брате — иначе Хара сейчас бился бы в конвульсиях от разрыва нервных окончаний. Но смертоносные атаки Сукуны были внешними факторами, и их последствия послушно принял на себя старший.

Именно благодаря этой связи во время Сибуйского инцидента Хара мгновенно раскусил обман Кэндзяку, показавшего ему якобы будущее с гибелью Сатору. Если бы младшему действительно суждено было погибнуть от чужой руки, смертельный удар сначала уничтожил бы Хару. Разве только в этой иллюзии самого Хары уже не было в живых — но поверить в собственную столь раннюю и глупую кончину он никак не мог.

Даже окажись он заперт в Тюремной Обители, «небесный пакт» продолжал бы функционировать без сбоев. Любое смертельное ранение Сатору нашло бы Хару даже в глубинах проклятого измерения. Младший физически не мог умереть раньше своего защитника. Кэндзяку просчитался, создав слишком топорный мираж, но за одну лишь попытку показать смерть брата древний манипулятор заслуживал самой мучительной казни.

Глаза Хары опасно блеснули багровым отливом, а лицо исказила холодная, зловещая гримаса.

Заметив, как Хара внезапно ушел в себя, Сатору вздохнул. Куда подевалось все его мнимое раскаяние? О чем он сейчас думает с таким кровожадным выражением лица? Наверняка мысленно расчленяет Кэндзяку. Сатору даже не допускал мысли, что этот гнев может быть направлен на него самого: брат скорее сотрет себя в порошок, чем позволит себе сорваться на младшего.

Осознание того, что Хара добровольно и неосознанно взвалил на себя бремя его боли, вызывало в душе Сатору хаос из нежности, благодарности и глухого раздражения. Он негромко проворчал:

— Тоже мне, проклятие... Ты не меня прокнял, придурок, а самого себя.

Ну в самом деле, какое же это проклятие, если объект получает абсолютную неуязвимость за счет чужих мучений?

Видя, что Сатору постепенно остывает, Хара облегченно улыбнулся. Главное — буря миновала. Мысли его мгновенно приняли радостный оборот: младший злился исключительно из-за беспокойства за его здоровье. От этой простой истины на душе становилось тепло и уютно.

Сатору скользнул взглядом по его светящемуся лицу и мысленно вздохнул. Разрушить этот пакт было невозможно: Хара заключил его напрямую с законами мироздания, руководствуясь непреклонной волей. Младшего даже не спросили. Единственное, что оставалось Сатору — драться еще аккуратнее и не допускать ни единой царапины, чтобы не подставлять брата.

«Поистине, любовь — это самое изощренное и извращенное проклятие на свете».

Но вопреки этой циничной мысли, уголки его губ сами собой поползли вверх. В конце концов, чертовски приятно чувствовать себя настолько любимым. Скрывать глупую счастливую улыбку больше не получалось.

Как только Сукуна потерпел сокрушительное поражение, Кэндзяку немедленно приказал Кэлину свернуть небесную трансляцию. Крутить на весь мир триумф Сатору в его планы точно не входило. Весь этот фарс задумывался ради разжигания паники, чтобы высосать из перепуганного стада океаны негативных эмоций и взрастить новые проклятия. Демонстрировать людям их непобедимых защитников и дарить им надежду было бы верхом глупости. Небо над Японией наконец-то очистилось.

Кэндзяку затаился на дне, а Кэлин продолжал совершать набеги на сеть исключительно в виртуальном пространстве, не позволяя вычислить физический сервер своего ядра. Тем не менее, победу шаманов сложно было переоценить: Король проклятий и его верный паладин были стерты с лица земли.

Вторым важнейшим прорывом стали новые Значки Агасы, разработанные доктором Агасой. Получив указания от Хары, Сугуру Гэто незамедлительно отправился в лабораторию гениального ученого. Для калибровки приборов он поочередно призывал проклятых духов самых разных рангов. Благодаря точным практическим тестам доктор Агаса в кратчайшие сроки усовершенствовал свое изобретение, представив миру «Значки Агасы 2.0».

Проведя полевые испытания новой модели на своем обширном арсенале духов, Сугуру пришел в искренний восторг. Погрешность прибора стремилась к нулю. Значок безошибочно различал всю иерархию: от слабейшего четвертого ранга до полупервого, первого, полу-особого и, наконец, ужасающих стихийных бедствий особого ранга. Подобная детализация оставляла далеко позади архаичные методы оценки, которыми веками пользовался Главный совет магов. Традиционная структура «Окна» фактически теряла всякий смысл.

Впрочем, распускать наблюдателей никто не планировал — их просто вооружили новыми Значками Агасы. Радиус сканирования прибора оказался впечатляющим: подходить вплотную к источнику угрозы не требовалось, детектор улавливал малейшие эманации проклятой энергии в воздухе. Доктор Агаса долго и увлеченно сыпал сложными терминами, объясняя физику процессов, но Сугуру лишь вежливо кивал, мало что понимая в научных дебрях, но бесконечно уважая чужой гений.

Шаман отчетливо понимал: грядущее массовое производство этих маленьких приборов перевернет весь устоявшийся уклад магического мира. Сгорая от предвкушения и заботясь о безопасности неоценимого союзника, Сугуру, с согласия самого профессора, приставил к нему одного из своих сильнейших духов особого ранга — мастера пространственных манипуляций, способного отразить любую внезапную атаку.

— Доктор Агаса, вы — настоящий пророк новой эры для всех нас, — проникновенно, с присущим ему мягким обаянием произнес Сугуру, глядя ученому прямо в глаза. — Наш мир просто не может позволить себе потерять вас. Пожалуйста, доверьте мне заботу о вашей безопасности.

Очарованный вкрадчивым голосом и харизмой шамана, пожилой ученый лишь растерянно кивнул в знак согласия. Благодаря мощностям концерна Годзё запуск конвейера прошел без сучка и задоринки.

За месяц, прошедший с момента ухода Кэндзяку в тень, Значки Агасы заполонили рынок. Сначала их выдали оперативникам «Окна», затем — специальным подразделениям полиции и вспомогательным управляющим. Финальным шагом стал запуск розничных продаж для обычных граждан.

Приборы сметали с прилавков с неистовой силой. Люди, едва оправившиеся от шока после раскрытия тайны проклятий, страдали от жестокой паранойи. Жить в неведении, зная, что рядом может рыскать невидимая смерть, было невыносимо. Возможность зафиксировать опасность до того, как станет слишком поздно, стала для обывателей спасительным кругом.

Пусть значок не даровал духовное зрение, он давал четкий сигнал тревоги. Каждая семья стремилась снабдить детекторами всех близких. При приближении угрозы значок начинал мягко пульсировать, а цвет индикатора указывал на степень опасности.

Вскоре выяснилось, что индикаторы срабатывают довольно часто. К счастью, в подавляющем большинстве случаев это были безобидные духи четвертого ранга. Поначалу обыватели впадали в панику от любого мерцания, но широкая просветительская кампания сделала свое дело: узнав, что страх лишь подпитывает монстров и делает их сильнее, люди научились держать эмоции в узде.

Духи низшего ранга не представляли угрозы, а точное знание их местонахождения лишало их главного оружия — фактора внезапности. Страх перед неведомым отступил. Если же прибор сигнализировал о появлении опасного духа третьего ранга, граждане просто вызывали полицию. Оснащенные проклятыми орудиями патрули оперативно зачищали территорию. Все, что превосходило этот порог, мгновенно перенаправлялось профессиональным шаманам.

С передачей мелких рутинных задач полиции маги вздохнули со свободным облегчением. Бесконечная череда изматывающих вызовов наконец-то прекратилась.

Львиную долю проклятого населения всегда составляла мелочь третьего и четвертого рангов, в то время как более сильные твари встречались нечасто. Теперь, когда полиция взяла на себя всю черновую работу, маги низших рангов смогли объединяться в группы для охоты на более крупную дичь, а опытные маги второго ранга — собираться в отряды для скоординированного уничтожения проклятий первого ранга.

Традиционно считалось, что сильный маг должен превосходить ранг цели на одну ступень ради безопасности при возможных ошибках оценки. Благодаря командной работе риск сводился к минимуму, а доходы магов ничуть не упали — работы по-прежнему хватало всем, но теперь она стала намного безопаснее.

С выходом Мира магов из подполья правительство смогло официально заложить в бюджет колоссальные субсидии на выплаты за ликвидацию угроз. Налогоплательщики отнеслись к новому налогу с пониманием и даже энтузиазмом: безопасность близких стоила любых денег.

Потоки финансирования хлынули рекой. Пост верховного руководителя занимал Годжо Хара, который каленым железом выжигал любые намеки на коррупцию. Каждая иена из государственного бюджета доходила напрямую до исполнителей и их вспомогательных управляющих.

Маги и их кураторы впервые ощутили себя элитой. Доходы выросли, социальный статус взлетел до небес. Больше не нужно было прятаться по углам и действовать под покровом тайны, словно воры в ночи. Теперь обычные люди встречали их восторженными взглядами и искренними словами благодарности. Отношение как к национальным героям окрыляло магов, заставляя их выкладываться на заданиях на все сто процентов.

В один из вечеров Хара вновь собрал Сатору и Сугуру на закрытое совещание. Он лично опустил плотную завесу, отрезая помещение от любого внешнего вмешательства — Кэндзяку и

его виртуальная ищейка Кэлин не должны были услышать ни слова.

Когда все устроились на своих местах, Хара без лишних предисловий перешел к главному:

— Полагаю, пришло время. Мы должны уничтожить барьеры Тэнгэна.

<http://bllate.org/book/19549/2004399>